

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I И НИКОЛАЯ I

К началу XIX века интеллигенция явилась в государстве наиболее активным и сознательным элементом, в котором начинают проявляться идеи необходимости ограничения правительственного самовластия и требование большей свободы. Именно эти здравомыслящие, передовые люди понимали необходимость двух коренных реформ – социальной и политической.

Развитие русского государства первой половины XIX в. характеризуется усиливающимся кризисом феодально-крепостнической системы. Экономика испытывала глубокие изменения, связанные с развитием капиталистических отношений в недрах феодального строя. Развитие промышленности способствует концентрации рабочих и возникновению крупных предприятий, что вызывает рост городов. Рост капиталистического уклада, в экономике проявляются изменения технической основы производства. А это требовало готовить кадры соответствующей квалификации. Дальнейшее развитие экономической жизни страны требовало внести улучшения и в подготовку чиновников, работников государственного аппарата. Другой фактор, действовавший в том же направлении, заключался в том, что с XVIII столетия Россия стала одной из величайших европейских держав, и для выполнения своих имперских задач правительство нуждалось и в более совершенном административном аппарате, и в более развитой промышленности, а для этого нужен был рост образования как общего, так и технического.

Так как кризис постепенно охватывал всю систему крепостнического хозяйства, то встал вопрос о неизбежной перестройке политической, экономической и общественной жизни страны. Сознание необходимости реформ проникло в самые широкие круги общества.

На первую половину XIX в. приходится царствования Александра I (1801–1825) и Николая I (1825–1855). При всей разнице между ними в их политике было много общего. Ни тот, ни другой не разрешили основные проблемы русской жизни: государственное устройство и крепостное право. Тем не менее следует рассмотреть первую и вторую четверть XIX столетия отдельно.

Начало XIX века (время вступления на престол Александра I) – время оживления общественной мысли и общественной жизни страны. Ведущими вопросами времени, как указывает В.О. Ключевский, становятся:

– социально-политический, заключавшийся в установлении новых отношений между общественными классами, в устройстве общества и управления с участием общества;

– кодификационный, заключавшийся в упорядочении нового законодательства;

– педагогический, заключавшийся в руководстве, направлении и воспитании умов.

Предыдущее столетие, особенно вторая его половина, было временем, когда в российском обществе возникло и стало развиваться стремление к просвещению и выработке самостоятельного мировоззрения. Как указывает А.И. Пыпин, в «обществе составилась, наконец, довольно обширный слой людей, который представлял новые нравы и образованность в европейском духе. Это новое общество при Екатерине II размножилось отчасти под влиянием ее просветительских планов, отчасти уже независимо от них или даже наперекор ее намерениям, по собственной силе развития» (Пыпин А.И., Общественное движение в России при Александре I, Спб, 1908). Интеллигенция была наиболее активным и сознательным элементом. Эти здравомыслящие, передовые люди понимали необходимость двух коренных реформ – социальной и политической. Несомненно, новый император видел себя тем человеком, который решит эти задачи. Стремление Александра к преобразованиям и реформам в отечественной литературе часто трактовалось как «заигрывание с либерализмом», (Ерошкин Н.П., Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России, М., 1960), но существует и другое мнение: Александр искренне мечтал «обуздать деспотизм нашего правительства». И в первые годы своего царствования (приблизительно до Тильзитского мира) Александр действовал под влиянием своих идеальных воззрений, столько времени подавляемых и впервые вырвавшихся на свободу и вооруженных теперь всем могуществом русского самодержавия. Планы стоились грандиозные, но им не суждено

было сбыться. Единственный важный результат первых лет нового царствования заключался в утверждении министерств, то есть замене коллегиального правления министерским. Манифестом 8 ноября 1802 года было учреждено и Министерство народного просвещения.

На всех преобразовательных попытках начала прошлого века лежит печать робкой нерешительности: не было общего ответа на вопрос, как осуществлять реформы. Ключевский писал: «Александр вступил на престол с запасом возвышенных и доброжелательных стремлений, которые должны были водворить свободу и благоденствие, но не отдавал отчета, как это сделать» (Ключевский В.О., Собрание сочинений, т. V, М., 1990). Последние слова можно отнести и ко всем передовым просвещенным представителям русского общества того времени.

Кроме того, прогрессивные идеи встречали противодействие, как со стороны сановной бюрократии, считавшей, что их реализация испровергнет Россию в бездну с вершины, достигнутой ею в предыдущее царствование славы, так и основной массы помещиков, среди которых мысль об освобождении крестьян не была популярной. Общество начала XIX в. не отличалось единством мнений, даже среди сторонников преобразований можно выделить 2 течения: радикально-демократическое и умеренно-радикальное. Представители первого: А.И. Пыпин, Попугаев – пропагандировали идеи буржуазной республики, выступали за отмену крепостного права, за установление гражданских свобод для всех сословий; представители другого – Е.А. Измайлов, Н.М. Карамзин, Д.И. Языков защищали идеи просвещенной монархии и в своих требованиях были близки к правительственному либерализму. Итак, мы видим, что «общество несомненно обнаруживало признаки самостоятельности и критического отношения к своей жизни» (Пыпин А.И., Общественное движение в России при Александре I, СПб, 1908).

Мы неслучайно достаточно подробно остановились на первых годах царствования Александра I – «весне либерализма»; это было время пробуждения русской общественной мысли, стремления к общественной деятельности, которое со временем только усиливалось. Либеральное настроение правительства и передовых кругов общества нашло отражение в области просвещения и печати: принятые в 1804 году Устав учебных заведений и первый в России цензурный устав отличались демократичес-

тью, причем цензура передавалась в ведение Министерства народного просвещения. И хотя действие этих уставов систематически ограничивалось правительственными мероприятиями и в новое царствование они были заменены другими, значение прогрессивных идей, заложенных в них, было велико для передовых кругов общества и развития образования и печати на протяжении всего XIX века.

В результате государственные преобразования первого пятилетнего периода не пошли дальше учреждения министерства и весьма скромной реформы. Труднейшими препятствиями к быстрому продвижению вперед были признаны: крепостное право и слабое распространение просвещения в широких массах. Для устранения этого, последнего, препятствия сделано тогда было сравнительно много. Первые годы царствования Александра I могут быть признаны самым блестящим периодом в истории русского просвещения.

После 1805 года Александр I отошел от реформаторской деятельности, столкнувшись с многими трудностями, и увлекся внешней политикой, результатом которой стали неудачные войны 1805–1807 гг. и позорный для России Тильзитский мир с Наполеоном 1807 года. Походы и неудачи охладили первоначальный реформаторский пыл Александра. Зато послужили причиной, обусловившей подъем национального самосознания. Но если последствия Тильзитского мира и разорительной континентальной системы были в высшей степени важны для образования критического и оппозиционного настроения в русском обществе, то последствия участия России в великих Наполеоновских войнах и низложении Наполеона были неизмеримо важнее для всего будущего развития русской жизни. Эти события на многие годы определили политическое, экономическое и культурное развитие нашей страны. Отечественная война 1812 года, участие русской армии в европейских кампаниях 1813–1815 гг. оказали огромное влияние на образованное общество. Для нас важен тот факт, что масса молодых, самых образованных по тогдашнему времени и самых восприимчивых представителей русского общества побывала в Западной Европе в самый момент ее перестройки. При этом они имели полную возможность познакомиться с разными сторонами европейской жизни, так как пребывание их было достаточно длительным, а для многих продолжалось и после заключения мира в течение трехлетней стоянки во Франции оккупацион-

ного корпуса Воронцова. Надо полагать, что знакомство военных с европейской цивилизацией произвело тем большее на них впечатление, что они могли сравнивать увиденное за границей с тем, что они видели у себя на Родине. Рабство большинства русских, всякого рода злоупотребления власти, произвол – все это возмущало и приводило в негодование образованных русских, их патриотическое чувство.

Естественно, что русское общество опять обратило свои надежды на реформаторскую деятельность Александра, которую он оборвал вследствие внешних неблагоприятных обстоятельств. Поэтому в «обществе после 1812 г. господствовало бодрое настроение, как будто свидетельствующее о том, что нация из страшного испытания вышла обновленной, готовой для дальнейшего роста» (Корнилов А.А., Курс истории России XIX века, М., 1993) и это настроение вместе с начинаниями Александра, казалось, сулило стране быстрое улучшение социально-политических форм жизни, которые требовали коренных изменений. Но события 1812–1815 годов неодинаково подействовали на русское общество и на русское правительство. И если «в обществе они вызвали необычайное политическое и нравственное возбуждение», то в правительстве поселили «чувство утомления, охлаждения к энергичной внутренней деятельности, даже некоторое разочарование в прежних политических идеалах», – отмечает В.О. Ключевский. (Ключевский В.О., Курс русской истории, ч. 5, М., 1937, с. 296–297). К тому же активное участие правительства во внешних событиях привело его к упорной борьбе с последствиями французской революции, и это сделало его представителем консерватизма в международных отношениях. Это направление переносилось из внешней политики во внутреннюю. Положение усугублялось тем, что Александр слишком увлекся своей ролью в судьбах всемирной истории и не мог уже уделять достаточного внимания нуждам и интересам внутренней жизни России. Поэтому напрасно ждало русское общество «законносвободных» учреждений, вместо которых получило Аракчева, военные поселения, Магницкого, погромы университетов.

Но нельзя сказать, что общество было единомысленно в своих стремлениях; скорее наоборот, «состояние умов теперь таково, что путаница мысли не имеет пределов. Одни хотят просвещения безопасного, то есть огня, который бы не жег, другие кидают в одну кучу Наполеона и Мон-

тескье, французские армии и французские книги, Моро и Розенкампа; словом, это такой хаос криков, страстей, партий, ожесточенных одна против другой, что долго присутствовать при этом зрелище невыносимо: религия в опасности, потрясение нравственности, поборник иностранных идей, иллюминат, философ, франкмасон, фанатик и т.п.; словом, полное безумие», – такую характеристику дает состоянию тогдашнего общества С.С. Уваров (Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802–1902), СПб, 1902).

В таких условиях неудивительно достаточно быстрое распространение мистических настроений в обществе, которому одним из первых поддался император. Мистицизм явился формой реакции на «западное вольнодумство», проникновение которого резко усилилось после 1812–1814 гг., а также на все более возрастающие революционное и реформаторское брожение в обществе. Последние были вызваны тем, что самодержавно-крепостнические основы государства вступили в противоречие с потребностями его развития. В религии видели сильнейшее противоядие против «шатаний в умах молодежи», но не в православной, как того можно было бы ожидать. Очень часто отсутствие серьезного образования, поверхностное знакомство с философией XVIII в., часто незнание основ собственной религии делали русское общество весьма податливым к новым течениям. Так, еще на рубеже веков в России стали появляться иезуиты, которые уже при Павле I завоевали довольно прочные позиции, а в правление Александра I проповедь отцов-иезуитов делает большие успехи. Русская знать охотно воспитывает своих детей, будущих правителей государства, в иезуитских пансионах. Но успехи католицизма вскоре сменяются более широким и прочным увлечением – мистицизмом. Увлечение русского общества религиозной мистикой является важным показателем тогдашнего настроения. Религиозный индифферентизм, вольнодумство и вольтерьянство конца XVIII в. сменились другой крайностью – стремлением к мистицизму. Причем падал он на крайне зыбкую почву. Общество легко поддавалось каждой новинке; одних и тех же лиц можно было видеть увлекающимися то одним направлением мистицизма, то другим (одни из них имеют своим источником западно-европейские течения, другие выросли на русской почве). Например, князь А.Н. Голицын (министр на-

родного просвещения с 1817 года по 1824), типичный представитель тогдашнего увлечения мистицизмом, ищет поучения у всех мистиков и в то же время устраивает у себя домовую церковь, выполняет обряды и «вкушает хлебцы духовные» у православного архимандрита Фотия. Такие примеры свидетельствуют о том, что мистицизм для большинства явился временным налетом, и после краткого его господства общество обращается к православной церкви, особенно заметно это стало на рубеже 20-х годов.

Религиозная экзальтация в философских и политических вопросах ищет поддержку во всем, что имеет авторитет старины, традиций, что покрыто таинственностью; вера в сверхъестественное подрывает авторитет просвещения. Неудивительно поэтому, что возврат к религии повлек за собой возврат к старым формам политического строя и к борьбе с просвещением. Мистицизму враждебны либеральные идеи, где проявляется человеческий разум. Потому очень скоро русское правительство сделало реакционно-настроенные круги общества опорой для своей политики. Начала мистицизма проникли и в Министерство народного просвещения. Согласно новому направлению образование должно посредством «лучших учебных книг водворить постоянное и спасительное согласие между верой, ведением и разумом, то есть между религиозным состоянием, между образованием умственным и между порядком политическим. Эти добрые начала, которые составляют идеал всякого образования, практически были разработаны так, что вера, ведение и разум почувствовали себя еще большими врагами, чем были прежде». Такую очень точную характеристику дает деятельности Министерства народного просвещения и Духовных Дел, учрежденного в 1817 году, В.О. Ключевский (Ключеский В.О., Курс русской истории, ч. 5, М., 1937, с. 306). Так народное просвещение, продвинувшееся было вперед в начале царствования, теперь было подавлено, искажено обскурантскими и реакционными мерами клерикалов и мистиков. Сильно пострадала печать, и вообще, казалось, все легальные и мирные пути к свободному развитию общества были закрыты.

В обществе второй половины правления Александра I существовало резкое раздвоение: если одни примкнули к мрачной реакции, то другие не порывали с либеральными идеями. Именно в этих кругах общества под влиянием великих пережитых событий и условий совре-

менной жизни быстро созревало самостоятельное и глубокое стремление к коренному преобразованию всего общественного и политического строя страны. Как уже указывалось, после 1815 г. на правительство еще возлагались надежды на исправление неурядиц русской жизни. Но ввиду дальнейшего развития событий, которые кратко описаны выше, люди, питавшие эти надежды, разочаровываются в своих ожиданиях, и в настроении общества появляются недоверие и раздражение.

Стремясь к какой-либо общественной деятельности, одни вступали в масонские ложи, другие искали выхода активности в ученых и литературных кружках, не удовлетворяясь масонскими церемониями, организовывали тайные общества, преследовавшие цели политические. Тайные, потому что наряду с гласным выражением либерализма Александра существовало и министерство полиции, не допускавшее никакой критики внутренних отношений. «Тайные общества не нужны там, где общественные потребности находили себе выражение, где свобода печати делала таинственность ненужною. Всего больше тайных обществ именно там, где пробуждавшееся общественное мнение не имело исхода и встречалось с политическим гнетом», – справедливо отмечает А.И. Пыпин (Пыпин А.И., Общественное движение в России при Александре I, СПб, 1908).

Следует отметить, что в первые годы после своего возникновения с 1816 г. тайные общества не имели определенного революционного характера. Лишь когда исчезла последняя надежда добиться мирным путем ослабления гнета и правительственного произвола, они получили полное и быстрое развитие.

Политические программы тайных обществ явились высшей точкой развития русской общественной мысли первой четверти XIX в. На это указывает М.В. Довнар-Запольский: «В идеях декабристов общественно-политическое сознание Александровской эпохи достигает своего высшего выражения» (Довнар-Запольский М.В., Из истории общественных течений в России, Киев, 1910, с. 54). Декабристы выступали за установление конституционной монархии, были сторонниками равенства граждан, свободы слова, печати, мечтали о свободном развитии просвещения, верили в правовую справедливость в деятельности государства.

Как видим, первая четверть XIX в. насыщена событиями и неоднородна. Общепринято

выделять минимум два периода: до 1815 года и после. Первый – время либерализма и второй – эпоха начинающейся реакции. Нередко в первом периоде выделяют время первых лет правления, до 1805–1807 гг. В соответствии с этим и дана характеристика царствования Александра I.

Потрясения, которые последовали за войной 1805–1807 гг. и которые вывели общество из оптимистического настроения, огромные нравственные приобретения, которые сделало русское общество в бурную эпоху Наполеоновских войн, послужили сильнейшим фактором общественного движения. Причем почти все вопросы, занимавшие общество, поднимало правительство, вызывая тем самым то возбуждение, которое осталось в обществе, несмотря на непоследовательность реакции, общественное движение, созревшее к концу этого периода, не осталось отрывочным фактом. Напротив, оно пустило прочные корни в сознании. Люди, представлявшие либеральное движение, испытали трагическую судьбу в катастрофе 1825 г.; против либерализма было направлено суровое преследование; целая группа исчезла из общества, но ее идеалы остались достоянием мыслящих людей и продолжали развиваться, оказывая влияние на разные сферы жизни общества.

На вторую четверть XIX в. приходится правление Николая I. Начало его царствования было ознаменовано подавлением восстания 14 декабря 1825 г. – восстания декабристов.

Здесь важно вспомнить, как видел Николай роль самодержавного монарха в России. Взгляды были заимствованы у Карамзина и легли в основу внутренней политики. Соответственно им, Николай считал себя первым слугой государства, посвящая себя государству, он имел право требовать того же от других. Со своей военной точки зрения (а Николай воспитывался как младший представитель владетельного дома для военной службы), он не мог представить себе иной службы, кроме службы, регулируемой высшим авторитетом и направляемой при помощи строгой дисциплины. Это убеждение и служило обоснованием его абсолютизму, который развивался во все время его царствования, все более переходя в самовластие и деспотизм.

Смотря на себя как на всемогущего властелина, Николай полагал, что все призваны повиноваться его воле, и естественно, что всякий протест против его власти вызывал в нем гнев и стремление подавить его. Поэтому борьба не только с революционными силами, но и с лю-

бым инакомыслием, либерализмом сделались главным содержанием его внешней и внутренней политики.

Особый взгляд на роль самодержавного монарха и недоверие к обществу, чиновничеству выразились в производстве тех дел, которые Николай считал почему-либо особенно важными. Такие дела сосредотачивались в его собственном заведовании, для чего император учредил особые отделения своей собственной канцелярии.

Так, во II Отделение были переданы все дела упраздненной тогда очередной комиссии законов, а руководителем его стал Сперанский. Завершились работы в этом отделении составлением и изданием в 1833 г. свода действующих законов по всем отраслям права и управления (так наконец был решен один из вопросов, поставленных в начале века, – кодификационный).

После восстания 14 декабря Николай считал организацию полицейского надзора важнейшим государственным делом. Для этих целей было создано III Отделение его канцелярии, в функции которого входило ведение дел высшей политической полиции, осуществление высылки подозрительных лиц, ведение ведомостей о всех происшествиях. Отделение развернуло по стране сеть своей агентуры, задачи которой состояли в том, чтобы вести наблюдение за чиновниками и за частной жизнью прочих обывателей. Это ведомство заслужило себе мрачную репутацию.

Понимая необходимость преобразований, император для выработки общего плана реформ учреждает особый комитет 6 декабря 1826 г. Одним из вопросов этого комитета был крестьянский, который, впрочем, не сходил с очереди до 1848 г.

Это неудивительно, ведь в 30–50 гг. с полной очевидностью проявился кризис феодально-крепостнической системы хозяйства. В русскую экономику все сильнее проникают капиталистические отношения, под напором которых усиливается распад крепостного строя. Растет торговля, капиталистические методы хозяйства проникают в помещичьи усадьбы. Все указывало на необходимость отмены крепостного строя. Предполагаемые преобразования, как по этому, так и другим вопросам, были робкой попыткой приспособить крепостную систему к развивающимся буржуазным отношениям. Однако крепостники возражали против изменений. А великий князь Константин Пав-

лович, будучи недовольным учреждением Комитета, назвал Николая «якобинцем». Николай так и не решился утвердить решения Комитета 6 декабря. В этом отношении императора к преобразовательным проектам и выразилось основное начало, которым он руководился: он мог одобрять хорошие предложения, но никогда не решался их осуществить. «Николай поставил себе задачей ничего не переменять, не вводить ничего нового в основаниях, а только поддерживать существующий порядок... Итак, консервативный и бюрократический образ действия – вот характеристика нового царствования; поддерживать существующее с помощью чиновника – так еще можно обозначить этот характер» (Ключевский В.О., Курс русской истории, ч. 5, М., 1937, с. 336).

Что касается интеллигенции, то после 14 декабря 1825 г. она была чрезвычайно ослаблена. После расправы с декабристами она потеряла почти весь свой цвет, срезанный суровой рукой победителя и отправленный в Сибирь. Строгость наказания терроризировала и оставшихся; на время она заглушила всякие попытки свободно выражения своих мыслей.

«Тридцать лет тому назад, – писал Герцен в конце 50-х гг., – Россия будущего существовала исключительно между несколькими мальчиками, только что вышедшими из детства, до того ничтожными и незаметными, что им было достаточно места между ступней самодержавных ботфорт и землей – а в них было наследие 14 декабря, наследие общечеловеческой науки и чисто народной Руси» (Герцен А.И., Былое и думы, Сочинения, М., 1956, т. 5, с. 32). Когда эти мальчики подросли, то это молодое поколение оказалось разделенным на те два русла, по которым западные идеи проникали в Россию и прежде, начиная с Екатерины II. И теперь явились с одной стороны лица, усвоившие себе идеи конца XVIII в., наследовавшие вместе с тем идеи декабристов, которые воспитывались в свое время на той же французской идеологии; с другой стороны явились и последователи немецкой мысли, немецкого идеализма и послекантовской метафизики, которая проникала все глубже в русское мыслящее общество. Теперь представители этого второго течения получили решительное преобладание. Это ярко выразилось в тех университетских кружках, в которых группировалась молодежь. Вероятно, первым кружком такого рода было «общество Любомудров», возникшее в 1824 г. Философские размышления

30-х годов были естественной формой отхода от политической проблематики декабристского времени и закономерной ступенью на пути к социальной проблематике, определившей воззрения «идеалистов 40-х годов». Поэтому естественной закономерностью 30-х гг. было особое внимание к литературе и литературной критике. В журналистике того времени «эстетические вопросы были по преимуществу полем битвы, а предметом борьбы было влияние на умственную жизнь» (Березина В.Г., Русская журналистика 2-ой четверти XIX в., Л., 1969).

Важную роль в истории русской общественной мысли сыграл кружок Н.В. Станкевича, возникший в 1832 г. в Московском университете. Из него вышли славянофилы и западники, революционер М.А. Бакунин и реакционер М.Н. Катков, из него вышел В.Г. Белинский.

События 1830–1831 гг. – Июльская революция во Франции, революция в Бельгии, польское национальное восстание, холерные бунты в России – всколыхнули общественность, воскресли надежды на перемену правительственного курса. Но эти ожидания не сбылись, консервативные принципы восторжествовали. Причем подлинным столпом официальной политики в области идеологии и культуры стал С.С. Уваров, в 1833 году ставший министром народного просвещения. Стержнем его программы стала мысль о необходимости всю идейную и культурную жизнь России «нечувствительно привести к той точке, где сольются твердые и глубокие знания с глубоким убеждением и теплою верою в истинно русские охранительные начала православия, самодержавия и народности». В этих словах суть официальной идеологии николаевского времени. Ее краеугольным камнем стала мысль о превосходстве православной и самодержавной России над гибнущим Западом. Уваровская триада стала необходимым и важным элементом правительственной системы Николая I. Она давала идейное обоснование режиму, о котором посетивший Россию француз Кюстин писал, что русский государственный строй – это строгая военная дисциплина вместо гражданского управления, это – перманентное военное положение, ставшее нормальным состоянием государства.

Русское образованное общество еще с конца 10–20-х годов стало задаваться вопросом, что же оригинального создала к этому времени российская культура, каков ее вклад в культуру мировую. Ответ был неудовлетворительным.

«На первый план выдвигалась подражательность России в религиозной сфере Византии, а в культурной – Западу. Поиск самобытности России в развитии велся на анализе ее прошлого и современного состояния, взятом в сопоставлении с европейской культурой и историей...» (Корнетов Г.Б., Цивилизационный подход к изучению всемирного историко-педагогического процесса, М., 1994, с 196). Поэтому мысль о противопоставлении России и Запада, отчетливо сформулированная и внедряемая в русское общество, была воспринята либеральной общественностью. Но в отличие от казенного тезиса о превосходстве России над Европой общественностью выдвигается положение об отсталости России. Несмотря на то, что оно возникло в результате противостояния официальной идеологии, его вторичность очевидна, в 1830-е года это положение было в известной мере прогрессивным, так как способствовало осмыслению реального социального отставания крепостной России от развитых стран Европы и поиску путей его преодоления. На этой основе и оформились два идейных направления – славянофильство и западничество, диалогом между которыми во многом определялось развитие русской общественной мысли в последне-кабристское время.

Славянофильство и западничество, сложившиеся в условиях социально-политического и экономического кризиса крепостнической системы, отразили попытки русских либералов создать концепции буржуазных преобразований. Являясь идейными противниками, славянофилы и западники по многим вопросам имели общие взгляды. Кроме исходного неприятия крепостных порядков можно назвать критику николаевской системы, отстаивание свободы совести, слова, печати и общественного мнения, революционных преобразований. И те, и другие с презрением относились к официальным фразам о «гниении» Запада и превосходстве России.

Спор о России, о ее месте в семье просвещенных европейских государств, о русском народе, об истинном и ложном патриотизме вспыхнул во второй половине 1830-х годов, после публикации в «Телескопе» «Философического письма» П.Я. Чаадаева.

Идеологами славянофильства (А.С. Хомяков, И.В. и П.В. Киреевские, К.С. и И.С. Аксаковы) была выработана цельная система, которая опиралась на теологические основы, идеализировала весь ход развития русского славян-

ского мира и относилась отрицательно к западной культуре. По их представлению, православная вера и русский народ сохранили во всей чистоте начало древнего духовного христианства, а на западе оно исказилось умствованиями католицизма, преобладанием материальной культуры над духовной. Поэтому центральная идея славянофильства – идея самобытного исторического развития России. Идея определяется, во-первых, православием, а во-вторых, соборностью, которая противопоставляется индивидуализму западной цивилизации. Принцип соборности, воплощаясь в сельской общине и городской артели, отличает жизнь русского народа и является основой экономической жизни на Руси. Ничего подобного нет в Европе, следовательно, путь развития России не может уподобляться западному.

В учении славянофилов были точки соприкосновения с уваровской официальной народностью, в историографии широко распространилось отождествление их позиций. Но, как указывает С.Ф. Егоров, уваровская формула утверждала социальную статику, охранительные начала: «народность» определяющим элементом имела крепостное право, «православие» подразумевало косность, неизменность государственных и социальных порядков, «самодержавие» в единстве с православием означало божественную природу власти, исключавшую любые изменения форм государственного правления. У славянофилов те же принципы предполагали социальную динамику: «народность», но без крепостного права, «православие», но как носитель нравственности и потому могучий фактор обновления общественной жизни, «самодержавие», но без бюрократической системы, а как носитель стабильности в государстве. Славянофилы не были противниками социального прогресса, считали его соответствующим национальным интересам России. Хотя понятие «народность» обязано своим рождением С.С. Уварову, именно славянофилы первыми обратили внимание на то, что с народностью необходимо считаться, как в историческом развитии, так и во всех областях общественной жизни, в том числе и в образовании. В этом заключается их большая историческая заслуга.

Представители западничества (Т.Н. Грановский, П.В. Анненков, В.П. Боткин, Е.Ф. Корш) считали необходимым проведение реформ в крестьянском вопросе, просвещении, цензуре и т.д. по типу государственного уст-

ройства западных стран. При этом не следует считать, что суть этого направления в требовании бездумного повторения западных образцов развития. Признавая наличие объективных законов общественного развития, западничество указывало на общую направленность исторического развития всех народов, всего человечества.

Спор славянофилов и западников, начавшись во второй половине 30-х годов, достиг особого накала в 40-е, когда атмосфера стала более либеральной. К этому десятилетию режим приобрел уверенность, которой не было в последекабристское время, и стал менее бдителен. Но было бы упрощением считать, что разногласиями славянофилов и западников исчерпывалась идейная жизнь того периода. Белинский и Герцен отождествляли себя с западниками, но на самом деле противостояли и западникам, и славянофилам. В их мировоззрении появились истоки иного – демократического направления. Таким образом, не спор западников и славянофилов, а взаимодействие и борьба трех направлений общественной мысли – демократического, либерального, разнovidностями которого являлись славянофильство и западничество, и консервативного – определялся характер идейной борьбы «замечательного десятилетия». Такое название этому времени дано неслучайно 40-е гг. – очень важная веха в истории русской общественной мысли. Обострение социальных противоречий, выдвижение вопроса о крепостном праве на первый план – все это способствовало перемещению интересов современников с вопросов философских и литературно-эстетических в сторону общественно-политических, экономических и научно-практических вопросов, от чисто литературной критики к публицистике. В 40-е годы в русское общественное сознание вошла мысль о приоритете социальных задач над политическими и их взаимосвязи. Первые подступы к реформе были сделаны именно тогда.

Период царствования Николая I с 1847 по 1855 г. вполне справедливо называют годами «мрачного семилетия». Революционные потрясения 1848–1849 гг. в Западной Европе вызвали дальнейшее усиление реакции в России. Правительство стремилось предотвратить революционный взрыв суровыми репрессивными мерами. Прежде всего это коснулось просвещения и журналистики. Тем не менее достижения передовой

общественной мысли, столь ощутимые в 40-е гг., хотя и с трудом, были удержаны. К концу царствования Николая почти все мыслящее русское общество было в скрытой оппозиции к режиму, все сходилось на одном – на мысли о неотложности реформ. О чем свидетельствует пора общественного подъема после 1855 года.

Время Николая I историки называют периодом «апогея» русского самодержавия. И все же при его кажущемся могуществе не были решены большинство важнейших проблем, которые выдвигала жизнь. Хотя, как показывает практика создания многочисленных секретных комитетов, Николай хорошо сознавал необходимость отмены крепостного права и модернизации России в целом. Дело, по-видимому, в том, что император, отстранив общество от участия в реформе, избрав тайный путь, заранее обрек дело на неудачу. Действия императора ярко показали «историческую обреченность авторитарной системы правления...» (Заичкин И.А., Покачев И.Н., Русская история от Екатерины Великой до Александра II, М., 1994).

А жизнь тем временем не стояла на месте. Развивались новые капиталистические отношения, углублялся кризис крепостнического строя, и все настойчивее вставали перед современниками проблемы, неизбежно возникали вопросы о путях дальнейшего развития России: в каком направлении оно пойдет, каковы его движущие силы, какими средствами оно будет осуществляться. Попытки ответить на жгучие вопросы современности, обосновать теорию развития, которая бы осветила путь в будущее, стали характерным содержанием общественного движения в России после восстания декабристов.

Таковыми условиями определялось состояние и развитие просвещения первой половины XIX в. При их характеристике акцент сделан на истории русского общественного движения, идейной борьбе направлений того периода. Это не случайно и объясняется следующим образом: в первой половине XIX в. все вопросы образования локализовались не в педагогике, которая как отдельная область знания еще только зарождалась, а в сфере общественной мысли. Тесную связь между историей русской школы и политическими настроениями русской власти и общества подчеркивал П.Н. Милюков, считая, что «совершенно не возможно говорить об одном не касаясь другого» (Милюков П.Н., Очерки по истории русской культуры, М., 1994, с. 280).